

Юрий Сахаров

Сознавая цену ошибки

В числе немногих рынков высокотехнологичной продукции, где Россия выступает как конкурентоспособный игрок, первый по значимости — космические запуски. Приятно, что они демонстрируют высочайшее качество работы всех систем.

Проблема, однако, в том, что этот уровень пока недостижим в других отраслях нашего машиностроения.

Цена ошибок известна и там, но отношение к ним, судя по всему, другое

Чем, собственно, рискует автозавод?

Земля — не космос, и случись что с машиной, есть ремонтный сервис, система отзыва из продажи, а ущерб для брэнда компенсируют пиар и реклама

За полет в космос давно не дают героических званий. Туда уходят, как на работу — обычную, хотя и с повышенным риском. Несколько лет назад «Роскосмос» пополнил линейку своих услуг космическими турами стоимостью 20 млн долларов за штуку. На днях успешно завершился очередной из них — на сей раз с участием американки иранского происхождения. Говорят, полет в космос станет призом победителю ТВ-шоу «Танцы на льду». Представить это можно только при абсолютной уверенности в качестве изготовления и надежности срабатывания всего технического комплекса, который обеспечивает полет космического аппарата от старта до посадки.

К примеру, ракеты-носители класса «Союз», которые выпускаются самарским предприятием «ЦСКБ-Прогресс», по своим параметрам существенно превосходят немногочисленные зарубежные аналоги. А вот о продукции расположенного в сотне километров от Самары тольятинского «АвтоВАЗа» такого не скажешь. Более того, гарантировать безотказность серийного вазовского автомобиля в течение 7 — 10 дней (именно столько обычно длится космический тур), думаю, не рискнул бы никто.

Понятно, что обеспечить качество единичного образца в принципе проще, чем из года в год поддерживать технико-технологический

уровень массовой продукции. Но ведь и ракетаноситель вкпе со всей остальной космической техникой несравненно сложнее автомобиля при всем к нему уважении. Дело, по-видимому, в менеджменте. Точнее, в той системе управления качеством, которая сложилась в космической отрасли за полвека ее существования.

Космическая мануфактура

Ракета, в отличие от автомобиля, товар эксклюзивный, не рассчитанный на массовое потребление. Этот hand made производят исключительно по заказам — министерства обороны, «Роскосмоса» или зарубежных компаний. Туристы-экстремалы «встраиваются» в космические программы лишь в качестве своего рода багажа.

В настоящее время в «ЦСКБ-Прогресс» внедрена система менеджмента качества (СМК), основанная на ГОСТ Р ИСО 9000. Ее аудит ежегодно проводит комиссия Центра сертификации ракетно-космической техники. Покупные комплектующие изделия, полуфабрикаты и материалы подвергаются стопроцентному входному контролю и испытаниям на полное соответствие заданным требованиям. Сплошную проверку проходят и все производственные процессы на всех стадиях жизненного цикла изделия.

Характерно, что СМК замкнута на генерального директора предприятия. Именно он несет

личную ответственность за выполнение не только всего комплекса требований к качеству, но и условий контрактов с потребителями, а также уровень их удовлетворенности. Именно он отвечает «за реализацию корпоративной политики в области качества с участием всех сотрудников предприятия» (здесь и далее цитируются присланные из «ЦСКБ-Прогресс» ответы на наши вопросы — *Ред.*). Как утверждают в «ЦСКБ-Прогресс», в основе СМК лежит понимание того, что качество создается на конкретных рабочих местах.

В практическом плане этот тезис означает, что каждый работник осуществляет входной контроль деталей, используемых им для выполнения той или иной операции, а, завершив свою работу, прежде чем предъявить ее в ОТК, убеждается, что результат соответствует требованиям регламентирующей документации. Таким образом, на предприятии укореняют философию: качество — приоритет номер один, и забота о нем — дело не только ОТК, но всех и каждого.

Задача в том, чтобы этот «каждый» сознательно принимал решение: признать качество своей работы приемлемым и передать изделие на последующие операции или же забраковать его, останавливая тем самым производственный процесс. Причем давить на сотрудника в подобных ситуациях здесь не принято: считается, что это снижает его личную

ответственность. Более того, перфекционизм и действенные сомнения в качестве поощряются — даже если «производство отстает от графика и потребитель требует прислать заказанную продукцию». На предприятии понимают: «если на рабочем цыкнуть и заставить продолжить работу, он может больше никогда не обратить внимания на потенциально дефектные изделия».

Для профилактики и выявления еще на стадии производства самых опасных — невыявляемых предусмотренными методами контроля — неисправностей в «ЦСКБ-Прогресс» уже не одно десятилетие действует положение: если сотрудник докладывает о допущенном им дефекте или повреждении изделия, он не привлекается к материальной ответственности. Что резонно: цена ошибки, выявленной в уже готовой ракете — при испытаниях или в ходе эксплуатации, возрастает неизмеримо, а иной раз фатально.

Вопрос жизни и смерти

Для «АвтоВАЗа», ежегодно выпускающего на жестко конкурентный рынок около 750 тыс. машин, качество — в буквальном смысле вопрос жизни и смерти. Как считает директор ЗАО «Академический инжиниринговый центр» (Самара) **Леонид Темкин**, по сложности изготовления массовый автомобиль сопоставим с ракетой. «Когда я пришел на Ваз, мне поручили спроектировать электромагнитную форсунку, — рассказывает он. — За прототип я хотел взять серийный аналог из ракетного двигателя, но просчитался: оказалось, что у автомобильной форсунки наработка на отказ должна быть гораздо больше — порядка миллиона включений против десятков тысяч в ракете». Решение осложнялось еще и тем, что автопром, как и другие отрасли гражданского машиностроения, вынужден жестко ограничивать себестоимость своей продукции, чего не скажешь о ракетостроении: российская «оборонка» дешево делать не умеет, отмечает эксперт.

Нужно еще учитывать, что автомобиль зачастую работает в более агрессивных средах, чем ракетные системы, добавляет **Юрий Михеев**, генеральный директор Поволжского отделения Российской инженерной академии, имеющего 15-летний опыт сотрудничества с «АвтоВАЗом». «Если бы завод не занимался качеством хотя бы так, как он это делает по сей день, он давно бы перестал существовать, — утверждает г-н Михеев, ссылаясь на печальный пример отечественной электроники и бытовой техники. — Наши телевизоры и утюгов в магазинах нет и в помине, а вазовские «десятки» и «Калины», несмотря ни на что, пользуются спросом».

Главное, что мешает «АвтоВАЗу» обеспечить конкурентоспособное качество продукции — это массовость производства и большая численность персонала, отмечает на условиях анонимности эксперт, хорошо знакомый с проблемами предприятия. В мире нет сбо-

рочных производств, где работало бы более одной-двух тысяч человек и выпускалось бы так много комплектующих деталей и узлов, добавляет он.

Из-за гигантских масштабов предприятия система вазовского менеджмента была изначально сложна и громоздка, а в условиях рыночной конкуренции отсутствие оперативности стало очевидным тормозом. Размытость ответственности за качество усугубляется весьма распространенным на Вазе совмещением функций производителя и потребителя в одном юридическом лице. К примеру, важнейшие агрегаты автомобиля — кузов и двигатель — завод делает сам, и выбора среди поставщиков у него, таким образом, нет в принципе.

Руководители автомобильного гиганта пытались расчленить его на отдельные бизнес-единицы и наладить между ними здоровые — чисто рыночные — отношения. Но процесс создания такого рода холдинга до конца не дошел. Нужно было резать по живому, децентрализуя то, что вазовским топ-менеджерам, видимо, не хотелось выпускать из-под своего контроля, а именно — финансы и принятие решений.

Ничего нельзя поделывать, пожалуй, только с характером производства — предприятие, занятому массовым выпуском автомобилей, необходим конвейер. Обратная сторона этой медали — утомительный, прежде всего в психологическом отношении, рутинный труд с монотонно повторяющимися операциями. Такие процессы, как утверждал специалист, провоцируют снижение внимания и нивелируют восприятие ошибки, что непосредственно и прямо отражается на качестве изделий.

«Если бы у Вазы не было ценовых ограничений, качество его продукции можно было бы существенно поднять за счет импортных комплектующих и линий для их производства, — замечает Юрий Михеев. — Но культуру производства не купишь за рубежом. И дело тут, на мой взгляд, не в исполнителе, а в менеджменте. На моих глазах руководитель (бывший — *Ред.*) компании «GM-АвтоВАЗ» **Джон Милона**, сопровождажая экскурсию высоких лиц, без колебаний оставил их и ринулся останавливать автопогрузчик, который отклонился от предписанного маршрута. Наши менеджеры ведут себя иначе».

Регламент, господа, регламент!

Навыки скрупулезного, стандартизованного труда нами действительно во многом утрачены. Укоренению их весьма способствует регламентированный образ жизни, чем, к примеру, отличаются Япония и страны Юго-Восточной Азии. В этом ряду стоит и дореволюционная Россия, но ее история двадцатого века — это сплошная ломка традиций, в первую очередь трудовых. «Мы способны генерировать замечательные идеи, но зачастую не готовы к кропотливой работе по доведению их до стадии рыночного продукта», — сетует Юрий Михеев.

Если следовать логике «АвтоВАЗа», настроение покупателей определяется качеством работы дилеров

Между тем, сколь подробно и точно ни описывалась бы технология, проблема качества замыкается на конкретном исполнителе. Точнее, на том, в полной ли мере он следует техническому регламенту и сознает ли при этом цену своей ошибки. Не обязательно даже, чтобы таким свойством, требующим не только воображения, но и определенной социальной зрелости, обладали абсолютно все. По словам вышеупомянутого эксперта, вполне достаточно, чтобы «точки сущения ответственности» совпадали с критическими (для достижения нужного качества) точками технологической цепочки. Именно в этом он видит секрет надежности ракетной и другой оборонной техники.

Заметим, однако, что в этой сфере цель — как в прямом, так и в переносном смысле — гораздо более осязаема. Как, впрочем, и цена ошибки: неудачный пуск — это позор на весь мир, «разбор полетов» и наказание виновных. Автосборочные предприятия не так «заточены» — их конечная цель, кроме качества, включает и прибыль, и дизайн, и функциональность, и удобство салона. К тому же из-за массовости и сложности производства здесь трудно определить меру персональной ответственности: уж слишком длинны цепочки причинно-следственных связей.

И, наконец — чем, собственно, рискует автозавод? Земля — не космос, и случись что с машиной, есть ремонтный сервис, система отзыва из продажи, а ущерб для брэнда компенсируют пиар и реклама. На «АвтоВАЗе», например, вообще считают, что главные проблемы со спросом создает не само предприятие, а его дилеры (см. диаграмму).

Гарантировать качество, умножая число живых или автоматических контролеров, даже теоретически невозможно. Внешняя мотивация, в том числе основанная на принципе неотвратимости «кнута и пряника», безусловно, важна. Но решающее значение имеют сознание цены ошибки и соблюдение регламентов.